

Голиков Л. М. Декларативный речевой акт как форма регламентации в российском пенитенциарном законе начала XIX столетия / Л. М. Голиков // Научный диалог. — 2018. — № 4. — С. 43—53. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-4-43-53.

Golikov, L. M. (2018). Declarative Speech Act as Form of Regulation in Russian Penitentiary Law of the Early 19th Century. *Nauchnyy dialog*, 4: 43-53. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-4-43-53. (In Russ.).

УДК 811.161.1'42:343.1"18"

DOI: 10.24224/2227-1295-2018-4-43-53

Декларативный речевой акт как форма регламентации в российском пенитенциарном законе начала XIX столетия

© Голиков Леонид Михайлович (2018), orcid.org/0000-0002-9952-4116, SPIN-code 7998-2040, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и иностранных языков, федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования «Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний» (Вологда, Россия), lgolikov@mail.ru.

Статья посвящена описанию речевых форм выражения правовых норм в пенитенциарном законе первой четверти XIX века. В качестве источника исследования избирается Устав о ссыльных 1822 года — нормативный акт, послуживший определенным образцом для уголовно-исполнительного права России в дореволюционном периоде. Актуальность работы видится в том, что она позволит более полно представить закономерности построения правовых норм в современной законотворческой практике. Новизна исследования заключается в реализации исторического подхода при рассмотрении деклараций как речевых актов, которые наиболее специфично реализуют определяющую текстообразующую категорию законодательных жанров — директивность. Автор отмечает, что подобные регламентирующие речевые формы являются продуктивными для языка права. В статье на материале юридического дискурса начала XIX столетия выделяются типы регламентирующих деклараций (декларации, эксплицированно выраженные, и декларации в форме дескриптивного высказывания; к последним отнесены дефинитивные описания и описания ситуаций). Автором определена их семантико-синтаксическая структура, представлены классифицирующие признаки речевого акта, среди которых значимыми признаются конвенциональность и институциональность, тождественность выражаемого пропозиционального содержания правовой реальности; перформативность и недескриптивность; способность реализовывать директивный перлокутивный эффект.

Ключевые слова: декларативный речевой акт; юридический дискурс; директивность; правовая норма; пенитенциарный закон начала XIX века; Устав о ссыльных.

1. Введение

Материалом для настоящего исследования выбран утвержденный 22 июля 1822 года Устав о ссыльных [далее — Устав] как «отправная точка формирования пенитенциарной системы в России и наиболее зримого ее выделения из общего права» [Забровская, 2006, с. 4]. Появление пенитенциарного нормативного акта связано с реформаторской законодательской деятельностью М. М. Сперанского [Архипов, 2015, с. 14; Иванов, 2011], который являлся одним из основателей языка российского законодательства XIX столетия [Скрипилев, 1980, с. 103]. Вполне логично предположить, что в тексте Устава о ссыльных отразились явления, определившие развитие форм языкового воплощения пенитенциарных норм в течение интересующего нас периода.

Наблюдения над механизмами формулирования правовых установлений представляются необходимыми, так как позволяют не только выявить закономерности и основные тенденции развития юридического языка в целом, но и оценивать прагматические потенции отдельных жанров законодательства на разных этапах его развития. Более того, с помощью подобного историко-лингвистического исследования «облегчается понимание закономерностей структурирования правовых величин в современной законодательной практике» [Юртаева, 2009, с. 106], что достаточно важно в условиях кризиса, который испытывает юридический язык в последнее время.

Устав о ссыльных, будучи кодексом (сравним значение жанрового наименования *устав* в словаре В. И. Даля: «Собрание законов, правил, на какой-либо предмет» [Даль, т. 4, с. 529]), содержит 35 глав, состоящих из 435 параграфов. Последние структурно являются правовой норму, представленную побуждающими и декларативными речевыми актами, которые призваны выполнять регулятивную функцию языка законодательства. Следует заметить, что в начале XIX столетия пенитенциарное право достаточно рельефно формализует фундаментальное свойство закона, заключающееся в его приказном характере [Харт, 2007, с. 26—33], то есть директивность как общая интенция, обретая языковую форму в законодательном дискурсе, выступает текстообразующей категорией. Таким образом, Устав о ссыльных функционирует как нормирующий директивный текст [Прохорова, 1998, с. 60], в структуре которого декларативные речевые акты наиболее специфично воплощают нормотворческую директивность. Кроме того, мы можем утверждать, что развитие юридического язы-

ка и в XIX столетии, и в последующие периоды утверждало декларации в качестве наиболее продуктивной формы построения правовой нормы.

2. Декларация как речевой акт в рамках законодательного дискурса

Декларация в качестве речевого акта, устанавливая соответствие между пропозициональным содержанием высказывания и реальностью, реализует обобщенное значение, которое Дж. Серль определил следующим образом: «Я объявляю состояние дел существующим» [Серль, 1986, с. 192]. Таким образом, декларации призваны вводить, закреплять в действительности новые социальные факты [Wunderlich, 1976, p. 77], а также выделять особый статус говорящего (наличие силы власти), являясь актом осуществления власти [Fraser, 1975, pp. 190—193]. Следует также отметить их конвенциональность [Leech, 1986, pp. 114—119] (ср. также эффе́ктивы и вердиктивы как конвенциональные типы иллокутивных актов в классификации К. Баха [Bach]) и институциональность [Богданов, 1990] в качестве основных классифицирующих признаков.

Особая связь пропозиционального содержания деклараций и реальности в рамках юридического дискурса порождает неопределимость направления приспособления — «от слова к реальности» или «от реальности к слову» [Серль, 1986, с. 186], так как сам акт говорения уже есть определенная правовая реальность (норма), воплощаемая в момент речи. Соответственно, успешность декларативного речевого акта очевидно зависит от параметров законодательного жанра, в которых воплощается директивное свойство закона (сюда относятся и характер коммуникантов, и общая интенция закона, и диктумная характеристика закона).

Для описания иллокутивной силы декларативных речевых актов, направленных на создание нормы закона, или регламентирующих деклараций, мы, используя опыт А. Вежбицкой [Вежбицка, 1985], можем воспользоваться семантической формулой: ‘Я объявляю тебе, что Р является правовой нормой’, где Р — это пропозициональное содержание, которое составляет описание правовой нормы. Норма здесь воспринимается в общем смысле: включает в себя права и обязанности, меры государственного принуждения, задачи правового регулирования, нормативные объявления, определения правовых категорий и явлений.

Наиболее важным для характеристики регламентирующих деклараций является обязательное наличие ожидаемого автором закона перлокутивного эффекта — возложение на адресата обязательств совершить определенное действие в будущем, то есть в любом случае вслед за объявлением правовой нормы следует деятельностная реакция адресата, положительная

или отрицающая эту возложенную обязанность. Данное обстоятельство обеспечивает конституирующее свойство юридического высказывания, воплощающего норму, — директивность.

3. Регламентирующие декларации в Уставе о ссыльных

В Уставе выделяются два основных типа деклараций: декларации, эксплицитно выражающие регламентирующую интенцию, и декларации, выраженные в форме дескриптивного высказывания (ср. декларации-репрезентативы у Дж. Серля [Серль, 1986, с. 187]).

Выступая в качестве перформативных высказываний, подобные речевые акты организуются синонимичными глаголами, представляющими собой замкнутый ряд:

1) *устанавливаться* (*Почему и устанавливается особый для препровождения чрез Казань порядок* [Устав, с. 439]) от *устанавливать* в значении ‘учреждать, узаконять’ (ср. «Учреждать, узаконить» [САР, т. 6, с. 1032—1033], «Учреждать, узаконять» [СЦСРЯ, т. 4, с. 364], «Постановить, либо определить, назначить, дать правило, закон, порядок, учредить, узаконить» [Даль, т. 4, с. 528]);

2) *учреждаться* (*Постепенное введение нового порядка учреждается на следующих главных основаниях...* [Устав, с. 457]) от *учреждать* в значении ‘устанавливать, узаконять’ (ср. «Устанавливать, распоряжаться, делать чему расположение» [САР, т. 6, с. 1087], «...устанавливать» [СЦСРЯ, т. 4, с. 364], «...установить правилами, порядком» [Даль т. 4, с. 543—544]);

3) *назначаться* (*Сборными пунктами для сих Губерний назначаются Малмыж, С. Дебесы и Оханск* [Устав, с. 441], *Срок употребления каторжных в работу вообще назначается двадцатилетний...* [Там же, с. 448]) от *назначать* в значении ‘устанавливать, определять’ (ср. «По данному праву определять, поставлять, или предписывать» [САР, т. 3, с. 1072], «Определять» [СЦСРЯ, т. 2, с. 369]);

4) *полагаться* (*Срок службы в отделениях для поселений полагается пятилетний* [Устав, с. 451], *Самый дальний срок для сего обзаведения полагается пятилетний* [Там же, с. 453]) от *полагать* в значении ‘устанавливать, учреждать, постановлять’ («Определять, делать решение; устанавливать, учреждать» [САР, т. 4, с. 1417]; «Постановлять, учреждать, присуждать» [СЦСРЯ, т. 3, с. 311], «постановить, решить, назначить» [Даль, т. 3, с. 263]);

5) *постановляться* («Для облегчения в трудах Ассессора, Управляющего Экспедицию, *постановляется* правилом, чтоб в общем собрании Губернского Правления присутствовал он только по делам, до ссыльных

относящимся [Устав, с. 440]) от *постановлять* в значении ‘учреждать, устанавливать, узаконять’ (ср. «Полагать, определять» [САР, т. 5, с. 50]; «Назначать, определять, учреждать, узаконять» [СЦСРЯ, т. 3, с. 392], «устанавливать, назначать, определять, учреждать и узаконять» [Даль т. 3, с. 353]).

Приведенные глагольные номинации отвечают всем условиям теста на перформативность, который состоит из следующих ограничений:

1) необходимо равенство называемому действию; в наших примерах однозначно наличествует потенция быть равносильным выполнению обозначаемого этими глаголами действия [Апресян 1980, с. 28];

2) необходимо наличие в семантике глагола, определяющего декларативные установления, компонента ‘говорить’ [Падучева, 1985, с. 22]. Однако этот признак не признается в качестве абсолютного, так, Ю. Д. Апресян указывает на то, что перформативность предиката лишь мотивируется этим признаком, но отнюдь не зависит от него [Апресян 1980, с. 28]. Структура значения декларационных перформативов *устанавливаться, учреждаться, назначаться, постановляться, полагать* не исключает сему ‘акт речи’. Этому способствуют жанровые параметры Устава, которые подразумевают монолог законодателя. В целом мы можем говорить об автономинативности подобных речевых актов [Богданов, 1985, с. 19];

3) употребление приведенных перформативных глаголов в конструкциях деклараций не может иметь значение настоящего актуального времени [Апресян 1980, с. 37]; в нашем случае перформативы выражают значение настоящего постоянного действия, подразумевающего отсутствие временных ограничений.

Пассивность форм наших примеров не лишает их перформативности: «...перформативный глагол может, вообще говоря, давать перформативное предложение и не будучи в 1-м лице» [Падучева, 1985, с. 21]. Будучи исключенным из высказывания, субъект речевого действия отнюдь не исключается из семантической формулы, например, *Срок пребывания в сем состоянии назначается восемь лет* [Устав, с. 452] легко трансформируется в *Я назначаю срок пребывания в сем состоянии восемь лет*.

Следует отметить, что данный класс регламентирующих речевых актов является ядерным для таксона деклараций, так как эксплицитивно выражает его иллюкутивную цель. Примечательно, что в структуре Устава они представлены наименьшим количеством высказываний.

Говоря о декларациях-репрезентативах, Дж. Серль отмечал не только присущую им форму дескриптивных высказываний, но и наличие общего с репрезентативами условия искренности — «убеждение» [Серль, 1986, с. 187]. Обладание регламентирующими декларациями-репрезентативами

условием искренности представляется сомнительным. Если судья, объявляя виновность, по мнению Дж. Серля, имеет возможность быть неискренним, то законодатель, как нам кажется, лишен этого свойства. Законодательный дискурс является результатом акта власти, который подчиняется определенным правотворческим нормам, не подразумевающим искренность либо неискренность автора правовой нормы.

Декларации, как и иные перформативные речевые акты, характеризуются свойством неверифицируемости: они не способны оцениваться по критерию истинности-ложности, то есть признать их в принципе дескриптивными невозможно. Данное свойство в пределах юридического дискурса обеспечивает языку права недескриптивный характер [Харт, 2017]. Более того, примеры деклараций-репрезентативов Дж. Серля («Вы виновны») и выделение недескриптивной (аскриптивной, или приписывающей) функции подобных юридических высказываний Г. Л. А. Хартом позволили В. В. Оглезневу выделить отдельный речевой акт — аскриптив, в отличие от деклараций имеющий строго юридический характер употребления [Оглезнев, 2013].

В тексте Устава о ссыльных выделяются прежде всего декларации, формулирующие дефинитивные нормы. Подобные речевые акты представляют описание интегральных и / или дифференциальных признаков правового объекта или явления, обозначенного специальным наименованием. В этом случае дефиниция логически представляет собой двучастную структуру, в которой выделяется дифиниендум (определяемое — **X**) и дефиниенс (определяющее — **Y**). Соотношение **X** и **Y** в законе являет собой правовую норму (**P**).

Дефинитивные нормы в Уставе выстраиваются по трем схемам:

1. **P = X есть Y**. Наиболее общий тип, который синтаксически выстраивается с помощью связочных форм (*Место, куда все сии уведомления должны быть прямо и непосредственно посылаемы, есть Тобольский Приказ о ссыльных* [Устав, с. 433]; *Тобольский Приказ о ссыльных есть Присутственное место* [Там же, с. 442], *Составление верных и обстоятельных списков сим людям прежде, нежели придут они в Тобольск, и настояния о скорейшем их доставлении, суть главныя действия Приказа о ссыльных по первым уведомлениям* [Там же, с. 443]).

2. **P = X состоит в Y** и **P = X составляет Y** (*Обязанность Губернского правления по сему предмету состоит: 1) в заготовлении надлежащих документов; 2) в отправлении в Сибирь уведомлений; 3) в снабжении ссыльных одеждою...* [Там же, с. 434], *Предварительные работы состоят в рубке лесов, постройке домов и разчистке мест под пашины для посева,*

в самом начале необходимых [Там же, с. 453], *Экспедиция сия не составляет отдельного Присутственного места...* [Там же, с. 442]; *Получаемая по сим условиям заработная плата составляет сумму на содержание работников и на расходы по сим заведениям* [Там же, с. 450]), где предикат *состоять* выражает значение ‘иметь своим содержанием что-л.’ (ср. «В чем: содержаться, заключаться» [САР, т. 6, с. 398], «Содержаться, заключаться в чем либо» [СЦСРЯ, т. 4, с. 192], «Содержаться, заключаться, составлять сущность чего» [Даль т. 4, с. 286]), в свою очередь, предикат *составлять* — значение ‘являться содержанием чего-л.’ («Образовать что собой, быть чем» [Даль т. 4, с. 285]).

3. $P = X$ *состоит из* Y_1, Y_2, \dots и $P = X$ *разделяется на* Y_1, Y_2, \dots (*Тобольский Приказ о ссыльных состоит из Управляющего, двух Заседателей и Канцелярии. Он подчиняется Тобольскому Губернатору, как особое в Губернии учреждение* [Устав, с. 442], *Все ссыльные, осужденные на поселение в Сибири, разделяются в следующих разрядов* [Там же, с. 444], *Женицыны разделяются на два разряда: 1) идущие по собственной воле с мужьями своими; 2) отправленные по суду в ссылку с мужьями и без оных* [Там же, с. 446]). В первом случае глагол реализует значение ‘быть составленным из кого-, чего-л., иметь в своем составе кого-, что-либо’ (ср. «Быть сложено, составлену из чего» [САР, т. 6, с. 398]; «Быть составлену из чего либо» [СЦСРЯ, т. 4, с. 192], «Быть составлену, заключать в себе составные части, и слагаться из них» [Даль т. 4, с. 286]; во втором — ‘делиться на какие-л. группы, категории на основе дифференциальных признаков’ (ср. «Быть разделяему» [САР, т. 5, с. 647], «Делиться на части» [СЦСРЯ, т. 4, с. 17]).

Самым многочисленным классом декларативных речевых актов, функционирующих в Уставе о ссыльных в качестве формы регламентации, являются высказывания в форме повествовательного предложения, представляющего описание ситуации, с предикатом несовершенного вида в форме утвердительной модальности (*Запискою в алфавитный список начинается прием ссыльных в Сибири; по прибытии же каждого в Тобольск, оканчивается сей прием свидетельством в Приказе о ссыльных* [Устав, с. 443], *С сим вместе переходит ссыльный под обыкновенный Земский надзор. И при том: 1) При начале водворения пользуется он трех-летней льготою от платежа податей и 20-ти летнюю от рекрутской повинности. 2) Получает собственныя свои деньги, которыхя имел при первоначальном отправлении* [Там же, с. 453], *Ссыльные, на поселение присланные и в пополнение заводских работников по прежнему порядку поступившие, постепенно переменяются людьми по новому распределению в сей разряд назначаемыми и поступают в селение старожиллов...* [Устав, с. 457]).

Утвердительная модальность выражаемых в форме дескриптивного высказывания деклараций как признак дескриптивности в контексте законодательного акта нейтрализуется значением настоящего времени постоянного действия, которое реализует предикат, организующий юридическое высказывание. Эта грамматическая характеристика обеспечивает подобным речевым актам свойство недескриптивности, что придает им перформативный характер и позволяет им выражать директивную интенцию, то есть функционировать в качестве формы правовой регламентации.

4. Заключение

Итак, регламентирующие декларации в тексте Устава о ссыльных являются формально неоднородным классом. Реализуя перформативные и описательные высказывания, декларативный речевой акт выступает продуктивной формой конструирования правовой нормы в российском пенитенциарном законе начала XIX века. Данное обстоятельство обеспечивают следующие признаки регламентирующих деклараций: 1) обладание конвенциональностью и институциональностью, которые обеспечивают характер юридического дискурса; 2) тождественность выражаемого пропозиционального содержания правовой реальности; 3) перформативность и недескриптивность; 4) способность реализовывать директивную интенцию как текстообразующую категорию закона.

Источники и принятые сокращения

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4-х томах / В. И. Даль. — Санкт-Петербург : Типография М. О. Вольфа. — 1880—1882.
2. САР — *Словарь Академии Российской*, по азбучному порядку расположенный. Т. 1—6. — Санкт-Петербург : Императорская Академия Наук, 1806—1822.
3. СЦСРЯ — *Словарь церковно-славянского и русского языка*: в 4-х томах. — Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии Наук, 1847.
4. Устав — *Высочайше* утвержденный Устав о ссыльных // Полное собрание законов Российской империи. Т. XXXVIII. — Санкт-Петербург : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. — С. 433—469.

Литература

1. *Апресян Ю. Д.* Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели «Смысл — Текст» / Ю. Д. Апресян. — Wien : Wiener Slawistischer Almanach, 1981. — 126 с.
2. *Архипов С. В.* Устав о ссыльных 1822 г. как источник пенитенциарного права и его роль в реализации колонизационной политики России в XIX веке / С. В. Архипов // Вестник Самарского юридического института. — 2015. — № 2. — С. 14—17.

3. *Богданов В. В.* Иллокутивная функция высказывания и перформативный глагол / В. В. Богданов // Содержательные аспекты предложения и текста. — Калинин : Изд-во КГУ, 1983. — С. 18—28.
4. *Богданов В. В.* Речевое общение. Прагматические и семантические аспекты / В. В. Богданов. — Ленинград : Изд-во Ленин. гос. унта, 1990. — 88 с.
5. *Вежищца А.* Речевые акты / А. Вежищца // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 16. — Москва : Прогресс, 1985. — С. 251—275.
6. *Иванов А. А.* Законодательство о ссылке и его применение в Сибири во второй половине XIX века [Электронный ресурс] / А. А. Иванов // Baikal Research Journal. — 2011. — № 4. — Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/zakonodatelstvo-o-ssylke-i-ego-primeneniye-v-sibiri-vo-vtoroy-pолоvine-xix-veka>.
7. *Забровская Л. Ю.* Пенитенциарное законодательство Российской империи XIX века / Л. Ю. Забровская. — Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2006. — 16 с.
8. *Оглезнев В. В.* Аскриптив как речевой акт / В. В. Оглезнев // Epistemology & Philosophy of Science. — 2013. — № 1. — С. 167—181.
9. *Падучева Е. В.* Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений) / Е. В. Падучева. — Москва : Наука, 1985. — 272 с.
10. *Прохорова О. А.* Структурные и прагматические особенности директивно-го текста : На материале юридических документов древнеанглийского периода : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / О. А. Прохорова. — Красноярск, 1998. — 191 с.
11. *Серль Дж.* Классификация иллокутивных актов / Дж. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 17. — Москва : Прогресс, 1986. — С. 170—194.
12. *Скрипилёв Е. А.* Государственная уставная грамота Российской империи 1820 г. (Из истории правительственного «конституционализма») / Е. А. Скрипилёв // Советское государство и право. — 1980. — № 7. — С. 100—108.
13. *Харт Г. Л. А.* Понятие права / Г. Л. А. Харт. — Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербур. ун-та, 2007. — 302 с.
14. *Харт Г. Л. А.* Приписывание ответственности и прав / Г. Л. А. Харт // Философия и язык права. — Москва : Канон+, 2017. — С. 27—52.
15. *Юртаева Е. А.* Язык закона и техника законотворчества в дореволюционной России / Е. А. Юртаева // Журнал российского права. — 2009. — № 11. — С. 106—120.
16. *Bach K.* Speech Acts and Pragmatics [Electronic resource] / K. Bach. — Access mode : <http://userwww.sfsu.edu/kbach/Spch.Prag.htm>.
17. *Fraser B.* Hedged Performatives / B. Fraser // Syntax Semantics. — 1975. — Vol. 3 : Speech Acts. — Pp. 187—210.
18. *Leech G. N.* Principles of Pragmatics / G. N. Leech. — London and New York : Longman, 1986. — 257 p.
19. *Wunderlich D.* Studien zur Sprechakttheorie / D. Wunderlich. — Frankfurt / M. : Suhrkamp, 1976. — 416 s.

Declarative Speech Act as Form of Regulation in Russian Penitentiary Law of the Early 19th Century

© Golikov Leonid Mikhaylovich (2018), orcid.org/0000-0002-9952-4116, SPIN-code 7998-2040, PhD in Philology, associate professor, Department of Russian and Foreign Languages, Vologda Institute of Law and Economics of Federal Penitentiary Service of Russia (Vologda, Russia), lgolikov@mail.ru.

The article is devoted to the description of speech forms of expression of legal norms in the penitentiary law of the first quarter of the 19th century. The source of research is the Charter on exiles of 1822 — the normative act that served as the certain sample for criminally-executive law of Russia in the pre-revolutionary period. The relevance of the work is seen in the fact that it will allow to present the laws of the construction of legal norms in modern law-making practice more fully. The novelty of research lies in the implementation of the historical approach when considering declarations as speech acts, which implement the defining text-forming category of legislative genres-directives most specifically. The author notes that such regulatory speech forms are productive for the language of law. On the material of legal discourse of the beginning of the 19th century the article highlights the types of regulatory declarations (declarations expressed explicitly, and declarations in the form of descriptive statement; the latter include the definitive descriptions and descriptions of situations). The author defines their semantic-syntactic structure, presents classifying features of speech act, among which the conventionality and institutional-ity; identity of the expressed propositional content of legal reality; performativity and non-descriptiveness; ability to realize a directive perlocutive effect are considered relevant.

Key words: declarative speech act; legal discourse; directiveness; legal norm; penitentiary law of the early 19th century; Charter on exiles.

Material resources

- Dal', V. I. 1880—1882. *Tolkovyy slovar' zhivago velikoruskago yazyka*: v 4-kh tomakh. Sankt-Peterburg: Tipografiya M. O. Volfa. (In Russ.).
- SAR — *Slovar' Akademii Rossiyskoy, po azbuchnomu poryadku raspolozhennyi, 1—6*. 1806—1822. Sankt-Peterburg: Imperatorskaya Akademiya Nauk. (In Russ.).
- STsSRYa — *Slovar' tserkovno-slavyanskogo i russkago yazyka*: v 4-kh tomakh. 1847. Sankt-Peterburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk. (In Russ.).
- Ustav — Vysochayshe utverzhdenyy Ustav o ssylnykh. 1830. In: *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii, XXXVIII*. Sankt-Peterburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy Yego Imperatorskago Velichestva Kantselyarii. 433—469. (In Russ.).

References

- Apresyan, Yu. D. 1981. *Tipy informatsii dlya poverkhnostno-semanticheskogo komponenta modeli «Smysl — Tekst»*. Wiyen: Wiener Slawistischer Almanach. (In Russ.).
- Arkipov, S. V. 2015. Ustav o ssylnykh 1822 g. kak istochnik penitentsiarnogo prava i yego rol' v realizatsii kolonizatsionnoy politiki Rossii v XIX veke. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta*, 2: 14—17. (In Russ.).

- Bach, K. *Speech Acts and Pragmatics*. Available at: <http://userwww.sfsu.edu/kbach/Spch.Prag.htm>. (In Engl.).
- Bogdanov, V. V. 1983. Illokutivnaya funktsiya vyskazyvaniya i performativnyy glagol. *Soderzhatelnyye aspekty predlozheniya i teksta*. Kalinin: Izd-vo KGU. 18—28. (In Russ.).
- Bogdanov, V. V. 1990. *Rechevoye obshcheniye. Pragmaticheskiye i semanticheskiye aspekty*. Leningrad: Izd-vo Lenin. gos. unta. (In Russ.).
- Fraser, B. 1975. Hedged Performatives. *Syntax Semantics, 3: Speech Acts*: 187—210. (In Engl.).
- Ivanov, A. A. 2011. Zakonodatelstvo o ssylke i yego primeneniye v Sibiri vo vtoroy polovine XIX veka. *Baikal Research Journal, 4*. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/zakonodatelstvo-o-ssylke-i-ego-primeneniye-v-sibiri-vo-vtoroy-polovine-xix-veka>. (In Russ.).
- Khart, G. L. A. 2007. *Ponyatiye prava*. Sankt-Peterburg: Izd-vo Sankt-Peterb. un-ta. (In Russ.).
- Khart, G. L. A. 2017. Pripisyvaniye otvetstvennosti i prav. In: *Filosofiya i yazyk prava*. Moskva: Kanon+. 27—52. (In Russ.).
- Leech, G. N. 1986. *Principles of Pragmatics*. London and New York: Longman. (In Engl.).
- Ogleznev, V. V. 2013. Askriptiv kak rechevoy akt. *Epistemology & Philosophy of Science, 1*: 167—181. (In Russ.).
- Paducheva, Ye. V. 1985. *Vyskazyvaniye i yego sootnesennost' s deystvitel'nostyu (referentsialnyye aspekty semantiki mestoimeny)*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Prokhorova, O. A. 1998. *Strukturnyye i pragmaticheskiye osobennosti direktivnogo teksta: Na materiale yuridicheskikh dokumentov drevneangliyskogo perioda: dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.04*. Krasnoyarsk. (In Russ.).
- Serl, Dzh. 1986. Klassifikatsiya illokutivnykh aktov. In: *Novoye v zarubezhnoy lingvistike, 17*. Moskva: Progress. 170—194. (In Russ.).
- Skipilev, Ye. A. 1980. Gosudarstvennaya ustavnaya gramota Rossiyskoy imperii 1820 g. (Iz istorii pravitel'stvennogo «konstitutsionalizma»). *Sovetskoye gosudarstvo i parvo, 7*: 100—108. (In Russ.).
- Vezhbitska, A. 1985. Rechevyeye akty. In: *Novoye v zarubezhnoy lingvistike, 16*. Moskva: Progress. 251—275. (In Russ.).
- Wunderlich, D. 1976. *Studien zur Sprechakttheorie*. Frankfurt / M.: Suhrkamp. (In Germ.).
- Yurtayeva, Ye. A. 2009. Yazyk zakona i tekhnika zakonotvorchestva v dorevolutsionnoy Rossii. *Zhurnal rossiyskogo prava, 11*: 106—120. (In Russ.).
- Zabrovskaya, L. Yu. 2006. *Penitentsiarnoye zakonodatelstvo Rossiyskoy imperii XIX veka*. Tambov: Izd-vo Tamb. gos. tekhn. un-ta. (In Russ.).